

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Кашлявик Киры Юрьевны «Поэтика прозы Блеза Паскаля», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Докторская диссертация К.Ю. Кашлявик посвящена прозе Блеза Паскаля, крупнейшего представителя европейской культуры XVII века – не случайно известный французский литературовед Антуан Адан, да и не он один, считал возможным говорить об «эпохе Паскаля». В России, где с произведениями Паскаля познакомились уже во второй половине XVII века, Паскаль-философ и математик изучен гораздо больше, чем Паскаль-писатель; в ряду имеющихся исследований литературоведческого плана – статьи и монографии С.Д. Коцюбинского, Е.М. Кляуса, И.Б. Погребысского, У.И. Франкфурта, Г.Я. Стрельцовой, двух уважаемых оппонентов данного диссертационного исследования – Б.Н. Тарасова и В.Д. Алташиной, а также протоиерея Александра (Чистякова). Но насколько вообще правомерно разъятие Паскаля представителями отдельных отраслей знания на различные «персоны»?

По мнению Анри де Монтерлана («Дневник» за 1931 год), современную французскую прозу создали три произведения: «Мемуары» Сен Симона, «Замогильные записки» Шатобриана и «Мысли» Паскаля. Тем самым книга оказывается вписанной в магистральный путь эволюции французской художественной прозы, становления национального литературного стиля. С другой стороны, сочинения Паскаля представляют собой важный вклад в формирование новоевропейской научной прозы – наряду с книгами Галилея, Декарта и Бэкона; наконец, крупнейший специалист по истории науки Л. Ольшки отнес Паскаля и Ньютона к числу «самых религиозных ученых из позднейших мыслителей». Таким образом, можно рассматривать наследие Паскаля через оптику художественного, научного или религиозного дискурсов; но гораздо более верным представляется путь, предложенный автором данного диссертационного исследования – отказаться от подобного членения и стремиться рассматривать всё паскалевское творчество как единый текст. Хотя, разумеется, имеется немало примеров, когда те или иные авторы шли по пути «выдергивания» отдельных цитат из Паскаля вне системы целого – так действовал, например, Эжен Сю, использовавший цитаты из Паскаля в

качестве эпитафий к ряду своих произведений (а он вообще отличался равнодушным отношением к эпитафиям), и в частности, к роману «Саламандра». Нельзя не поддержать К.Ю. Кашлявик в ее стремлении не сводить наследие Паскаля к подобного рода афористике.

Концепция исследования К.Ю. Кашлявик выстроена с учетом как накопленной во Франции исследовательской традиции (Сент-Бёв, Газье, Брюнвик, Турнер, Лафюма, Менар, Селье, Эрнст), так и на основе работ отечественных ученых (концепция А.В. Михайлова о риторической культуре и свободном слове; теория М.М. Бахтина касательно развития романного мышления). Цель автора диссертации, как она сформулирована во Введении, – описать «особое состояние слова Паскаля» как «готового слова» риторической культуры и одновременно свободного, прозаического и поэтического» (с. 7 диссертации).

С учетом поставленной цели вполне естественно, что работа начинается с изложения истории текстологии произведений Паскаля. В **первой главе** диссертации «Паскалевский текст и подходы к его исследованию» (с.32-69 диссертации) рассматривается процесс формирования «паскалевского текста». инструментарий текстологический инструментарий помогает К.Ю. Кашлявик выявить формы становления индивидуальной поэтики Паскаля в контексте разветвленной жанровой системы XVII века. Особое место в этой главе отведено текстологии «Мыслей», истории их прочтения и публикации. Открытая фрагментарная структура этой книги убедительно свидетельствует о принципиальной незавершенности паскалевского стиля. Для иллюстрации сложной истории рукописей «Мыслей» в рецензируемой работе представлена схема их создания и издательского движения (с. 47-48 диссертации); в приложении приводится в качестве примера один из «паскалевых листов» (с. 388 диссертации), иллюстрирующий метод работы писателя над рукописью. Важно, что для своей работы К.Ю. Кашлявик выбирает «канонические» издания Лафюма и Селье, а также использует электронную версию Декота-Пруста, что позволяет исследователю не только соотносить форму и содержание фрагментов, но и определять их место в общей потенциальной структуре «Мыслей». В исследовании дан перечень произведений, составляющих «единый текст» Паскаля – 48 атрибутированных текстов; по мнению автора, перечень представляется оправданным задачами исследования. Данный раздел диссертации кажется тем более важным, что «паскалевского канона» на русском языке до сих пор не существует (с. 62-63 диссертации). Кроме того, в главе делается попытка найти основной квалификационный критерий, который поможет при работе со всем корпусом текстов Паскаля. Таковым избран «жанровый признак» (с. 67 диссертации).

Глава вторая «Паскаль биографический» (с. 70-175 диссертации) не ограничивается воспроизведением известных составляющих «литературного портрета» Паскаля (Сент-Бёв, Ж. Менар, Б.Н. Тарасов). К «академическому» портрету добавлены некоторые новые штрихи: описан круг чтения писателя, что чрезвычайно важно для понимания генезиса его поэтики; проанализировано значение музыкальной культуры для Паскаля; наконец, рассмотрена иконография Паскаля (соответствующий иллюстративный ряд приводится в приложении). Избегая повторения уже известных сведений о жизни и творчестве Паскаля, исследователь ставит своей задачей увидеть единство «факта биографии» и «факта литературы», показать «неразрывность личности и произведения, так называемое жизнетворчество» (с. 70 диссертации). Автор диссертации считает нужным ввести в текст работы отдельный параграф «Паскаль и Монтень», где осмысливается значение традиции «Опытов» Монтеня для становления поэтики прозы Паскаля – на примере анализа текста «Беседы с господином де Саси об Эпиктете и Монтене» и монтеневского цитатного слоя «Мыслей» (с.93-110 диссертации). Удачным представляется выполненное К.Ю. Кашлявик обращение к теме «Паскаль – переводчик Библии»; эти выкладки расширяют диапазон рассмотрения поэтики паскалевской прозы (с. 110-116 диссертации). Становление авторского голоса прослеживается на примере «Письма господину и госпоже Перье в Клермон по случаю смерти господина Паскаля-отца, скончавшегося в Париже 24 сентября 1651» (с. 160-174 диссертации). Письмо-утешение, переходящее в проповедь (жанр, вполне распространенный в эпоху Паскаля), названо «исповедально-биографическим моментом», «самоотчетом-исповедью», когда личное «становится авторским» (с. 173 диссертации).

Особенно хотелось бы выделить удачный и обширный параграф «Паскаль и музыка» (с. 116-147 диссертации). Здесь показано, что музыкальность свойственна поэтике Паскаля в целом и является инструментом для изучения «способа, каким дух соединяется с телом», т.е. природы человека, его ощущений, чувств, способностей и разума (с. 146-147).

Третья глава диссертации «Диалогическая поэтика в “Письмах к провинциалу”» (с.176-251) посвящена изучению диалогических основ поэтики Паскаля на примере «Писем к провинциалу». Для поэтологического разбора «Писем к провинциалу» автор счел необходимым очень подробно проанализировать вопрос о «янсенизме» как феномене не только религии, но и культуры XVII века в целом. Параграф «Паскаль литературный» (с. 197-209 диссертации) отсылает к художественным особенностям «Писем к провинциалу». Анализ различных псевдонимов Паскаля (*Amos Dettonville/Louis de Montalte/ Salomon de Tultie*) позволяет проследить становление авторского «я» и

представление Паскаля о себе как о писателе. Анаграмматические структуры псевдонимов писателя, по верному замечанию К.Ю. Кашлявик, соединяют «пространственные характеристики его художественного мира», предоставляют «выход в другие сферы «паскалевского текста» (изживание авторского «я», приём остраннения, «внутренняя форма авторского вольного слова») (с. 210-221 диссертации). При рассмотрении заглавия «Писем к провинциалу» автор диссертации описывает столь существенные для художественного мира Паскаля топосы, как провинция/столица. Книга Паскаля рассмотрена К.Ю. Кашлявик в контексте различных жанровых традиций, отчасти уходящих корнями в античность: мениппова сатира, сократический диалог, эпистола, внутренний монолог, самоотчет-исповедь.

Общность тематики, сюжетно-динамическое единство целого, диалектика отношения частей с учётом единого авторского взгляда позволяют говорить о циклообразующих признаках «Писем к провинциалу» (с. 236 диссертации). Каждое «Письмо» может быть прочитано как отдельная глава в законченном литературном произведении. «Письма» демонстрируют прерывистую непрерывность, свойственную художественному мышлению Паскаля. Тот же самый приём найдёт затем свое отражение в «Мыслях» (с. 221-237 диссертации).

Как показывает автор диссертации, ироническая интонация «Писем к провинциалу» основана на пародийном сочетании высокой теологической тематики с повседневными проблемами современности.

В четвертой главе «Поэтика прерванного текста “Мыслей”» (с. 252-353 диссертации) рассматриваются основные положения диалогической поэтики Паскаля. «Апология христианской религии», получившая впоследствии название «Мысли», – последнее, главное и самое знаменитое произведение Паскаля. Диалог риторики и веры, связанные с ним размышления о природе слова становятся особенностью индивидуального стиля, которая отличает автора «Мыслей» от создателя «Писем к провинциалу».

Необходимость определить жанровый вектор «Мыслей» потребовала от автора диссертации описать жанр апологии, а также указать содержательные и стилистические «модели» и «антимодели» из истории апологетики раннего христианства; рассмотреть близкую к Паскалю традицию апологетических сочинений Нового времени (с. 255-260 диссертации).

В работе показано, что «Мыслям», как тексту в процессе становления, присущи открытость и полижанровость, свойственные романному слову. Внутренние законы незавершённости отсылают к некоторым особенностям литературного процесса XVII века

– в том числе, к диффузности прозаических жанров, включающих в себя различные типы письменной художественной и нехудожественной речи, а также некоторые приёмы разговорной речи (с. 252-253 диссертации). Как уже отмечалось, очень существенно, что в диссертации К.Ю. Кашлявик «Мысли» рассмотрены не как сборник цитат и афоризмов, но как становящийся текст, где «каждый фрагмент обладает не только логическим содержанием, но и определенным количеством динамической энергии, направленной на поиски структуры и порядка произведения» (с. 261-262 диссертации). Мне представляется особенно существенным, что главное сочинение Паскаля рассмотрено в диссертации в неразрывной связи с его , так сказать, материальным носителем: действительно, глубокое постижение архитектоники «Мыслей» невозможно без анализа и систематизации «бумаг» (с. 267 и далее).

Общий порядок «Апологии» разделён на две части: литературную и теологическую. В общем вступлении к «Апологии», в первом разделе «Порядок», писатель очерчивает план, выбирает «диалогический порядок», обозначает тип адресата, находит основные жанровые модели будущего произведения. Предисловия к частям «Апологии» конкретизируют общее вступление и дают подходы к пониманию каждой части в отдельности.

В качестве модели разбора стиля Паскаля в диссертации весьма основательно и убедительно проанализирован L 308/ S 339 фрагмент «О трёх порядках» (пятый параграф четвертой главы). Данный фрагмент – один из важнейших смысловых центров «Мыслей» – представляет собой завершённое, чётко артикулированное рассуждение, выстроенное по аналогии с доказательством теоремы вокруг ключевого слова «порядок». Организация текста фрагмента настолько строга и симметрична, что приближается к поэзии и соотносима с поэтикой библейского параллелизма. Как справедливо указывает К.Ю. Кашлявик, фрагмент «О трёх порядках», помимо своего антропологического содержания, представляет собой интереснейшую попытку отрефлексировать собственную жанровую принадлежность. При этом Паскаль опирается как на математические принципы, так на литературную и библейскую традиции. В исследовании жанр фрагмента определен как «математическая поэма» (с. 316-325 диссертации). Кстати, заметим, что было бы чрезвычайно интересно сопоставить подход к данному жанру у Паскаля с трактовкой «философской поэмы» у позднего Джордано Бруно – при том, что речь идет о совершенно разном понимании «поэмы».

В заключении подводятся итоги исследования, делаются выводы и расставляются акценты, необходимые для дальнейшего изучения творчества Паскаля.

Хотелось бы обратить внимание на ряд недостатков диссертационного исследования.

Когда во втором параграфе второй главы диссертации К.Ю. Кашлявик анализирует роль *genius loci*, Оверни и Клермон-Феррана в формировании личности Паскаля, она прикасается к очень интересной и перспективной «местнографической» методологии в духе Н.П. Анциферова. К сожалению, данная методология является для автора лишь побочной, второстепенной. [Отметим попутно, что цитата из Монтеня относительно «олатинивания» местности стараниями его отца и немца-учителя (с. 85) всё-таки не может быть воспринята как истина в последней инстанции, с учетом всепроникающей иронии автора «Опытов»; и уж тем более она не имеет прямого отношения к воспитанию Паскаля]. Главенствует в диссертации иной инструментарий, а именно методология М.М. Бахтина.

«Преувеличения от увлечения» – так назвал когда-то свою статью о книге Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» приснопамятный Г.Н. Пospelов («Вопросы литературы», 1965, № 1, С. 95–108). Эту формулировку, независимо от конкретных намерений Геннадия Николаевича, можно было применить ко многим современным исследованиям, где использованы и развиты теоретические заветы выдающегося отечественного мыслителя, поневоле ставшего литературоведом. Диссертация К.Ю. Кашлявик, с ее «всеприсутствием» Бахтина, в этом смысле не исключение. Ее работа сильна своей ярко выраженной культурологической направленностью и отмечена чрезвычайно высоким уровнем теоретичности. Между тем, на мой взгляд, фундаментальная теоретическая подготовка автора сочетается со стремлением К.Ю. Кашлявик более охотно цитировать самого Бахтина и его последователей, чем анализировать собственно эмпирический романский контекст XVII века. И это очень жаль: ведь Паскаль создает свои произведения в тот период, когда совершается переход от предьстории романного слова к его истории, так что игнорировать этот контекст вряд ли правомерно. Но интенсивное развитие романного жанра в интересующую автора эпоху оставлено почти без внимания. К примеру, Поль Скаррон в диссертации едва упомянут (с. 209), а другие крупные фигуры отсутствуют вовсе. Я, конечно, благодарен К.Ю. Кашлявик за то, что в библиографию к диссертации – наряду с книгой Н.В. Забуровой – оказалась включена и моя статья о госпоже де Лафайет. И всё-таки я бы предпочел иное: а именно, хотя бы краткое осмысление в тексте диссертации романа «Принцесса Клевская»; этого, однако, не происходит. Зато довольно подробно и квалифицированно проанализировано влияние на поэтику Паскаля Рабле и Монтеня. Между тем этот анализ, исходя из сказанного выше, вряд ли должен занимать приоритетное место в данной

диссертации, тем более, что Рабле здесь, как и следовало ожидать, увиден сквозь призму исследований того же Бахтина. Что касается пресловутых «перечислительных рядов», то их наличие у Паскаля, как представляется, еще не является маркером прямого влияния стиля Рабле. Жаль также, что автор диссертации не дал собственного ответа на вопрос: насколько вообще раблезианское пятикнижие можно считать романом? Ведь со времен Бахтина понимание данной проблемы значительно продвинулось вперед, и существуют различные точки зрения на этот счет: некоторые исследователи усматривают в пятикнижии эталон «гуманистического романа», представленного во Франции XVI века весьма ограниченным набором памятников (Паскаль Мунье, Филипп де Лажарт и пр.); другие, напротив, считают книгу (а точнее, книги!) Рабле в большей степени тяготеющей к эпосу (см. напр. Guy Demerson, *L'esthétique de Rabelais*. P., 1996, p. 133 есс). И пусть эпопея предстает у Рабле в травестированном виде, она всё-таки еще продолжает оставаться эпопеей.

Меня не вполне устраивает настойчивое стремление К.Ю. Кашлявик как можно меньше упоминать в связи с Паскалем о стиле барокко – а ведь когда-то пресловутый «мыслящий тростник» рассматривался некоторыми исследователями как своего рода эмблема этого стиля. В диссертации содержатся лишь мимолетные упоминания об «эпохе барокко» (см. напр. с. 119), но при этом совершенно очевидно, что автор не склонен придавать большого значения данной исследовательской категории. Я понимаю, что перед нами веяние времени – многие современные исследователи, и не только французские, поступают точно таким же образом. Но ведь тогда и апелляция к работам А.В. Михайлова отчасти теряет смысл, так как этот замечательный ученый как раз увязывал свою концепцию романного слова с указанным стилем.

Библиография К.Ю. Кашлявик вызывает немало вопросов. Она достаточно велика (289 позиций), но изобилует странными лакунами. Само собой, паскалеведческая литература к настоящему времени огромна, и нет никакой возможности учесть все публикации. Но должны же быть какие-то приоритеты! Неужели статья Вл.А. Лукова о Паскале из словаря «Зарубежные писатели» (2003) (пункт 133 библиографии) более значима для автора диссертации, чем спорная (возможно, и не свободная от «предвзятости», о которой по другому поводу пишет автор на с. 12), но весьма яркая работа выдающегося историка науки Александра Койре «Паскаль-ученый» (Alexandre Koyré, *Pascal savant // Blaise Pascal, l'homme et l'oeuvre*. P., Minuit, 1956, p. 259-281)? Предположим, К.Ю. Кашлявик сознательно минимизирует в своей библиографии количество работ, непосредственно не связанных с Паскалем-литератором. Но в таком случае как объяснить, например, отсутствие снискавшего высокую оценку в

академическом сообществе диссертационного исследования Энтони Мак-Кенна (A. Mac Kenna, *De Pascal à Voltaire: le rôle de *Pensées* de Pascal dans l'histoire des idées entre 1670 et 1734*, Oxford, Voltaire Foundation, 1990)? Зато в библиографию включена четырехстраничная брошюра некоего В.В. Кокосова «Паскаль», выпущенная «в помощь учителю» в 1935 году (здесь, правда, налицо «смягчающее обстоятельство»: брошюра вышла в городе Горьком, он же Нижний Новгород, где ныне живет и трудится соискатель).

Нет в библиографии и книги известнейшего специалиста по французской литературе XVII века Роже Дюшена «L'Imposture littéraire dans "Les Provinciales" de Pascal» (Aix-en-Provence, 1984, 1985), которая между тем имеет прямое отношение к теме работы. К тому же здесь – в числе прочего – речь идет об особенностях смеха у Паскаля, что очень важно в контексте увлечения автором диссертации идеями Бахтина; наконец, существенным подспорьем для К.Ю. Кашлявик могли бы стать и рассуждения Дюшена о технике монтажа у Паскаля.

И уж совсем никуда не годится, что никоим образом не представлена в диссертации переведенная в 2001 году на русский язык книга Люсьена Гольдмана «Сокровенный Бог» (1955), которая мне представляется одним из важнейших для понимания Паскаля текстов! Кстати, о Гольдмане писал в свое время нередко упоминаемый в диссертации Г.К. Косиков.

Что же касается многочисленных ссылок автора на своих разнообразных предшественников, то они, с одной стороны, свидетельствуют о его высокой научной добросовестности, а с другой – в ряде случаев способствуют переключению мысли читатели на не имеющие отношения к делу подробности. Здесь вспоминаются пресловутые «сальгаризмы», о которых с иронией писал в «Заметках на полях "Имени Розы"» Умберто Эко:

«Герои Сальгари бегут по лесу, спасаясь от погони, и налетают на корень баобаба. Тут повествователь откладывает в сторону сюжет и начинает ботаническую лекцию о баобабе» (Пер. Е. Костюкович).

Примером такого «сальгаризма» может служить огромная сноска № 471 на стр. 194-195, где автор диссертации анализирует эволюцию взглядов Г.К. Косикова на теорию М.М. Бахтина. Выполнен этот анализ вполне квалифицированно и сам по себе никаких возражений не вызывает, но вот насколько всё это имеет отношение к задачам данного диссертационного исследования? Самое время процитировать Паскаля: в данном случае «математика со всей своей глубиной была бесполезна» (L 694).

И наконец, еще один немаловажный изъян диссертации – включение в текст целого ряда не вполне качественных переводов. Сказанное относится не только к отдельным фрагментам, переведенным самим автором диссертации (в конце концов, они носят «технический» характер), но, к сожалению, и к переводу «Мыслей» работы Ю.А. Гинзбург, настоящая апология которой содержится на с. 22 диссертационного исследования. Поскольку в большинстве случаев К.Ю. Кашлявик приводит параллельно оригинальный текст и перевод, то и оценить качество последнего под силу любому франкоязычному читателю. Автор диссертации совершенно справедливо указывает на «математическую точность» формулировок Паскаля (с. 289) – но в таком случае читатель тем более вправе ожидать от переводчика как минимум отсутствия шероховатостей. Особенно обидно, когда не до конца продуманные переводы (иногда одобренные не вычитанными автором диссертации опечатками) относятся к ключевым фрагментам «Мыслей»; именно так происходит на с. 270 (фрагмент L 199) и на с. 277 (фрагмент 976). Что же касается фрагмента L 413 (с. 272), то здесь встречается очень существенное (не только для Паскаля!) понятие «je ne sais quoi», которое автору диссертации следовало бы специально прокомментировать; комментарий требуется и в связи с упоминанием здесь же «носа Клеопатры» – в конце концов, не все же читатели диссертационного исследования являются специалистами по творчеству Корнеля! Не слишком удачен перевод одного из «Писем к провинциалу» (с. 242): «обнаруживая при этом признаки видимого страдания»; в оригинале коротко и ясно – «avec beaucoup de douleur». «Ужасные клеветы» (с. 233) – это, конечно же, «примеры ужасной клеветы» (calomnies horribles); «разве вы не можете взвесить разницу?» (с. 240) – это, разумеется, «неужели вы не в состоянии оценить разницу?» (n'en savez-vous pas peser la difference?); «один из моих старинных знакомств» (с. 243) – разумеется, «один из моих давних знакомцев» (une de mes anciennes connaissances). Относящийся к богословию иезуитов термин «grâce suffisante» традиционно – в том числе и в книге уважаемого оппонента Б.Н. Тарасова – переводится на русский язык как «достаточная благодать»; не совсем понятно, почему на с. 241 автор предпочитает использовать другой перевод – «довлеющая благодать». Наконец, в одном случае (с. 288, фрагмент из «Мыслей» L 449) оригинальный текст не приводится вообще – и это, так сказать, к лучшему, так как неточностей в переводе Ю.А. Гинзбург предостаточно.

В целом же, несмотря на указанные нами недостатки, диссертация представляет собой зрелое, фундаментальное и самостоятельное научное исследование. Ее автор вносит очень серьезный вклад как в изучение литературного процесса XVII века, так и в понимание культуры той эпохи в целом; обогащает наше понимание системы

литературных жанров; наконец во многом способствует построению целостной картины творческого наследия Паскаля. Остается только надеяться, что за К.Ю. Кашлявик последуют другие отечественные ученые, и мы сможем преодолеть наблюдающийся ныне в нашей науке некоторый застой в изучении французской литературы начала Нового времени. Высокой оценки заслуживает также приложение к диссертации (с. 388-402), разнообразное по своему составу и способствующее более объемному восприятию фигуры Паскаля и его наследия в контексте эпохи.

Автореферат диссертации К.Ю. Кашлявик, обладая всеми признаками самостоятельного и углубленного научного исследования, как принято говорить, в полной мере отражает содержание работы и отвечает всем предъявляемым к авторефератам докторских диссертаций требованиям. В некоторых случаях, однако, автореферату явно недостает внятности и чёткости изложения. Перед нами, к сожалению, очередной пример того, как мало внимания даже самые квалифицированные соискатели уделяют литературной форме этого жанра, очевидно, относя его к категории *minores*.

Приведем два весьма красноречивых пассажа из автореферата:

«Эпоха Паскаля – время, в котором современные ему идеи целенаправленно стремились разъединить столь долгий союз античной философии и христианской теологии с целью создания новой науки и очищения веры, что способствует остроте полемики, запечатленной в устной и письменной формах» (с. 17); «у Паскаля результат мысли виден из процесса ее становления, а не посредством констатации» (с. 31).

Комментарии здесь, думается, излишни. Странно, что подобного рода формулировки не привлекли к себе должного внимания высококвалифицированных специалистов с кафедры истории зарубежной литературы МГУ, где обсуждалась диссертация.

Диссертационное исследование К.Ю. Кашлявик не дает никаких оснований усомниться в том, что перед нами состоявшийся ученый, в полной мере владеющий разнообразным, современным научным инструментарием и всесторонне проработавший чрезвычайно масштабный и разнообразный материал. Есть все основания высоко оценить проделанную К.Ю. Кашлявик работу и призвать диссертационный совет поддержать ее докторскую диссертацию.

Диссертационное исследование Кашлявик Киры Юрьевны «Поэтика прозы Блеза Паскаля» соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней»), а его автор, Кашлявик Кира Юрьевна, заслуживает присуждения ей

ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 (литература народов стран зарубежья – европейская и американская литература).

Официальный оппонент

заведующий Отделом классических литератур Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН, д.ф.н.

Кирилл Александрович Чекалов

28 сентября 2015 г.

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
УЧЕНЫМ СЕКРЕТАРЬ

А.И. АЛИЕВА